

УДК 80
ББК 81

**И.С. Куликова,
Д.В. Салмина**

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ТЕРМИНЫ
ЗА РАМКАМИ
СПЕЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА
(НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНА
МЕЖДОМЕТИЕ)**

Предлагается взгляд авторов на проблемы миграции лингвистических терминов и детерминологизации. Направление и различная степень семантической трансформации термина вне специальной сферы рассмотрены на примере «школьного» термина *междометие*. При всей грамматической специфике обозначаемого им языкового явления, этот термин достаточно часто становится объектом метаязыковой рефлексии, что свидетельствует о коммуникативной ценности терминируемой реалии.

Ключевые слова: *миграция терминов, детерминологизация, контексты-метарефлективы, «школьные» термины, междометие.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-2-56-66

Куликова Ирина Степановна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
Тел.: 8 (921) 573-40-40
E-mail: krokus34@mail.ru

Салмина Диана Валентиновна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
Тел.: 8 (921) 943-49-52
E-mail: salminad@rambler.ru

© Куликова И.С., Салмина Д.В., 2018.

Язык рождается из страстей,
и первые слова – междометия.

Ю. М. Лотман

Междометия – самые старые
из человеческих выражений,
поэтому их надо уважать.

Венедикт Ерофеев

Авторы статьи достаточно давно работают над проблемой функционирования лингвистических терминов за пределами специального текста на базе полидискурсного пространства Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), см. в частности: [Куликова, Салмина 2016; 2017]. Признание термина словом в особой функции стимулировало в современном терминоведении изучение явлений, которые можно назвать пограничными, отражающими живое взаимодействие терминологии с общим языком: с одной стороны – это консубстанциональность терминов, с другой – процесс «миграции терминов» [Морозова, 1986, с. 120], истоки которого Ю. С. Сорокин находил ещё в 30-х годы XIX в. [Сорокин, 1965, с. 35].

Раз начавшись, этот процесс не только не останавливался, но набирал силу. «Многие термины, – замечает А.В. Лемов, – зарождаются и первоначально функционируют только в специальной среде, перешагивают через рамки узкопрофессиональной сферы употребления» [Лемов, 2000, с. 99]. В настоящее время, т.е. уже XXI веке, процесс миграции терминов «значительно усиливается» [Жидкова, 2008]. Это, на наш взгляд, в не меньшей мере, чем «авторская актуализация М [метафорической]-модели в метадискурсе», хотя и, с другой стороны, наглядно до-

казывает «тезис о погружённости науки в структуры жизненного мира и инкорпорированности науки в культуру» [Мотыко, 2007, с. 23]. Таким образом, актуальность избранного направления исследования не вызывает сомнений.

Наиболее часто в аспекте неспециального функционирования в художественных текстах рассматривались медицинские термины (например, работы Л. А. Морозовой, Ю. Б. Жидковой, Е. Е. Бариновой). Из немногочисленных и лишь недавно появившихся работ по миграции лингвистических терминов наиболее интересна с точки зрения материала докторская диссертация А. Н. Немьки [2015], а с точки зрения теоретического осмысления – монография Р. М. Шумариной [2011]. Замечено, что – в отличие общеупотребительных терминов типа *слово*, *значение*, *говорить* и т.п. – «обозначения, **заимствованные из научной лингвистики: синонимы, орфография, подлежащее, инфинитив** и т. п., которые в языке “стихийного лингвиста” могут сохранять своё терминологическое значение или изменять его», «пока не становились предметом специального исследования» [Шумарина, 2011а, с. 34]. Именно эта категория терминов избрана авторами данной статьи в качестве объекта изучения, что обеспечивает новизну предпринятого исследования.

Естественно, что первыми в поле зрения попали термины, обозначающие части речи, которые с полным правом можно отнести к так называемым «школьным». По мнению М.Б. Гаспарова, школьная грамматика приобщает носителя языка «к метаязыковому отображению своего непосредственного языкового опыта, все те сведения и понятия, будучи усвоены говорящим, сами становятся частью его языкового сознания», что «не может не воздействовать на те процессы сопоставлений, соположений, выборов, в которых протекает вся языковая деятельность» носителя языка [Гаспаров, 1996, с. 215–216]. Н. Д. Голев, специально занимающийся вопросами проекции «собственно лингвистики через теорию лингводидактики и образовательные концепции», уверен, что «именно школьные знания, презумпции школьного курса в первую очередь откладываются в метаязыковом сознании рядовых носителей языка», хотя и «хранятся в обыденном метаязыковом сознании бывших школьников в виде обрывочных знаний» [Голев, 2002].

Ещё В. П. Даниленко задавалась вопросом: «Не утрачивает ли он [термин] свои особые языковые характеристики, перейдя в лексику общелитературного языка?» [Даниленко, 1977, с. 5–6, сноска]. В современном терминоведении этот процесс известен как детерминологизация. Воспользуемся её контекстуальным определением-характеристикой в коллективной монографии «Общая терминология»: термин «теряет свою строгую концептуальность, системность, однозначность и приобретает прагматические свойства, которых он прежде был лишён, то есть возникает новое слово с терминологическим значением, требующее уже не дефиниции, а толкования» [Суперанская и др., 2012, с. 133].

Необходимая предпосылка детерминологизации – использование термина в коммуникативной среде неспециалистов, которые, однако,

являются носителями языка и обиходного языкового сознания. Соответственно, коммуниканты, не будучи лингвистами, открыты для метаязыковой рефлексии – словесно оформленного метаязыкового суждения, содержащего интерпретацию какого-либо факта языка или речи и присвоение лингвистическому объекту признака или оценки (см. [Шумарина, 2011б, с. 4]). Такого рода фрагменты, извлечённые из полидискурсного пространства НКРЯ, рассматриваются нами как контексты-мета-рефлексивы.

Дальнейшее изучение показало неоднородность процесса детерминологизации. Интерес вызывает позиция О.Ю. Шмелёвой, которая различает детерминологизацию – «расширение семантического объёма термина и формирование нового переносного значения» – и деспециализацию – «процесс проникновения термина в неспециальный текст при сохранении своего основного значения», связанный «лишь с изменением сферы функционирования» [Шмелёва, 2010, с. 50–51]. Авторы данной статьи сохраняют как родовой термин «детерминологизация», но, полностью принимая идею разной глубины и разного качества этого процесса, предполагают четырёхступенчатую типологию детерминологизации: 1 ступень – функциональная детерминологизация – сохранение термином своего содержательного ядра, но обрастание коннотациями в аксиологических контекстах; 2 ступень – частичная функционально-содержательная детерминологизация – смысловое варьирование термина в разных дискурсах; 3 ступень – полная окказиональная содержательная детерминологизация – не зафиксированная словарями метафоризация термина; 4 ступень – полная узувальная содержательная детерминологизация – словарная фиксация производного нетерминологического значения, в том числе и фразеологизированного.

Типичными «школьными» терминами являются названия частей речи. В полидискурсном текстовом пространстве НКРЯ частеречные термины достаточно активно, с высокой насыщенностью вхождениями одного документа представлены во фрагментах лингвистических текстов, начиная с «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. Доля таких вхождений неодинакова для разных терминов: например, у существительного, глагола и прилагательного – главных частей речи – от 40 до 30% таких вхождений, у наречия ≈ 80%. В аспекте разрабатываемой проблемы важно, что, за исключением *наречия*, большинство вхождений частеречных терминов в НКРЯ приходится на разнодискурсные фрагменты, включающие обычно по одному употреблению. Именно в этих случаях терминируемые понятия, а чаще стоящие за ними обобщённые или конкретные языковые факты, становятся объектом метаязыковой рефлексии носителей языка. Например: *Нынче люди откровеннее и не прибегают к местоимениям.* (М.В. Авдеев. Тамарин (1851)); *Деньги эти в сумме девять миллионов долларов господин Островой попросту стибрил, свистнул, увёл – выбирайте любой глагол по вкусу – у своих акционеров, ему доверившихся.* (Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)).

В классификации частей речи междометие стоит особняком. «Господство экспрессивно-смысловых фонетических и интонационно-мелодических элементов в структуре междометий – при слабости, а иногда отсутствии элементов познавательных – кладёт резкую грань между ними и другими типами слов» [Виноградов, 1947, с. 745]. Но наше внимание привлекло неожиданно большое количество в НКРЯ контекстов-метарефлексивов, включающих этот термин: 393 вхождения в 348 документах при самой низкой доле языковедческих текстов ($\approx 12\%$). Разумеется, этот показатель далёк от частоты терминов, обозначающих главные части речи: *существительное* (1106), *прилагательное* (954) и особенно *глагол* (3627), но вполне сопоставим с частотой термина *местоимение* (464 вхождения в 345 документов).

В связи с этим сомнению подвергается и статус междометия как слова, что нашло отражение в материалах, извлечённых из НКРЯ. Известный грамматист первой половины XIX в К.С. Аксаков писал: «*Что же касается до Междометия, то оно вовсе не есть слово*» (О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского) (1838)). Противопоставление «бессодержательного» или приблизительного по смыслу междометия слову как полноценному выразителю мысли – один из лейтмотивов языковой рефлексии по поводу междометий: – *Нет, это не мысль, а только удлинённое, в согласность с требованиями времени, междометие.* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Круглый год (1879–1880)); *Я думал, она произнесёт то или иное незначащее слово. Междометие. Так, между прочим.* (Андрей Волос. Недвижимость // «Новый Мир», 2001); *Ну, – сказала она, держа палец на выключателе, – полувопросительное, полуподгоняющее междометие, значившее приблизительно: «Вы проходите?»* (В.В. Набоков. Дар (1935–1937)). Неполноценность междометия как слова может стать основанием метафоры: *Какой из вас к чёрту офицер? Так, м-междометие какое-то... Ромашов зажмурил глаза и съёжился.* (А. И. Куприн. Поединок (1905)). Хотя возможен и иной путь: источник архитектурной метафоры Хлебникова – значительность междометия-возгласа: *Современный доходный дом (искусство прошлецов) растёт из замка; но замки стояли особняком, окружённые воздухом, насытив себя пустынным, походя на громкое междометие!* • *Правило построек особняков; гибель улиц; удары замкоулов, междометия башен.* (Велимир Хлебников. Мы и дома (1915)).

Языковая рефлексия освещает и тот факт, что междометия могут свидетельствовать о неразвитости речи или же об определённом психологическом или физическом состоянии, затрудняющем словесную речь: *Мужик за всё время, кроме междометий, изрёк только три членораздельных слова* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000); *Больше двух-трёх слов и нескольких междометий от своего гостя опытная ведущая добиться не могла – так что вся эта сцена приобретала комический характер.* (Алексей Беляков. Алка, Аллочка, Алла Борисовна (1998)); *Двое из этой компании сразу же отправились у меня за дверь, а с Британиком*

состоялся любопытный разговор из **междометий**. На все вопросы Брут отвечал односложно – «тык» да «мык». Но кое-что я все-таки сумела понять... (Иржи Грошек. Лёгкий завтрак в тени некрополя (1998)) – в последнем случае причина междометного общения – состояние глубокого опьянения.

Междометие, конечно же, слово, фонетически оформленное и кодифицированное словарями. В следующей фразе «...выразительно фыркает Чёрный, вложив в это **междометие** всю иронию, на какую способен» (Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)) за словом **междометие** стоит фонетически и эмоционально обусловленное семантическое «излучение» глагола *фыркать* '2. Разг. Смеяться, усмехаться, производя глухой отрывистый звук' [БТС]. Но это слово особое. В извлечённых из НКРЯ и вынесенных в эпиграф характеристиках междометия неожиданно сошлись учёный-филолог Ю.М. Лотман и известный ироническим складом ума писатель Венедикт Ерофеев. Простейшие междометия появились намного раньше, чем полнозначные слова: среди многочисленных гипотез происхождения языка одной из самых популярных была междометная гипотеза, которой придерживался, в частности, А.А. Потебня.

Своей органичностью междометия сродни мимике и жестам и часто ими сопровождаются. Например: *Маленький все время что-то болтал с мужичком, потом завёл с Юрой оживлённый разговор, состоявшийся из жестов, **междометий** и попыток выразить мимикой лица такие, например, вещи, как мировая революция.* (И.Л. Солоневич. Россия в концлагере (1935)). Разумеется, для выражения понятий, да ещё таких сложных, междометия не предназначены. Органичность и относительная универсальность первичных междометий позволяет использовать их для общения при незнании языка: *Не имея определённого языка для общения, мы обменивались **междометиями**.* Мы вошли в верхний кабинет мистера Грегори (Сергей Юрский. Вспышки. Заключительная глава книги // «Октябрь», 2001).

Основная среда функционирования «уважаемых» междометий – устная обиходно-бытовая речь, открытая для выражения эмоций. При этом ценность их для речевого общения не умаляется их мнимой неопределённостью, которая легко снимается интонацией: *Свои лекции он [новый завкафедрой] нередко прерывал восклицанием: «Ах ты мать родная!» Это богатое **междометие**, как у Элочки Щукиной, выражало всю гамму эмоций, от восхищения до порицания и упрёка.* (Инна Пруссакова. «Я родилась в Ленинграде...» // «Звезда», 2003. – Расширение за счёт обращения к тексту).

Выражая чувства, конкретное междометие (впрочем, как и любое слово) само может стать источником эмоционального переживания: *Моё любимое **междометие** «увы», но я замечаю, что с последнего времени оно становится нецензурным.* (Венедикт Ерофеев. Из записных книжек (1958-1990)); – *Дьё*, – произносит она ненавистное мне **междоме-**

тие, означающее горестное недоумение. (Фазиль Искандер. Школьный вальс, или Энергия стыда // «Знамя», 1987).

Однако основная масса контекстов отражает два приблизительно равных по представленности момента языковой рефлексии.

Во-первых, это наблюдение за целенаправленным использованием междометий вместо полноценного словесного общения или, если можно так выразиться, за междометной «маскировкой». При этом вырисовываются следующие типичные коммуникативные ситуации:

- уход от нежелательной или неприятной темы разговора: *Я попытался что-то сказать, о чем-то спросить – стена из междометий.* (Александр Яковлев. Омут памяти. Т. 1 (2001)); *Ремонт закончили, артель шапки мнёт – трудом праведным поставили палаты каменные, пожалуйте, барин, как рядились. Львов глаза прячет, на губах междометия.* *Снова на сикурс, на выручку поспешает тихий, честный казначей.* (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989));

- уход от психологически нежелательного общения: *Мы молчим, разговариваем междометиями. Каждый сам для себя варим кофе и жарим яшницы.* (Андрей Курков. Милый друг, товарищ покойника (2001)); *Нечленораздельно мычал. Издавал междометия. Ты не хотел смотреть мне в лицо.* (Андрей Геласимов. Год обмана (2003));

- уход от прямого ответа: – *Или тебя это не очень касается? Я ответил каким-то междометием.* – *Вот, Толя, и надо решать: Париж или сын.* (Анатолий Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги (1956–1960));

- нежелание показаться некомпетентным (в данном случае опасение за своё реноме самостоятельно мыслящего человека): *Самгин отвечал междометиями, улыбками, пожиманием плеч, – трудно было найти удобные слова.* (Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 4 (1928–1935))

- возможность, не говоря ни слова, проявить солидарность с собеседником, например, в понимании «крамольной» темы: – *Ты же знаешь, Фотий, мы со своими больше воюем, чем с немцами. Если б мы со своими не воевали, уже б давно были в Берлине <...> Этими словами, подчеркнув интонацией и скорбной игрой лица, что они предел доверительности, он её и закрыл. Откликнуться на них нельзя было иначе, как долгим вздохом и невнятным междометиями.* (Г.Н. Владимов. Генерал и его армия (1994) – Расширение за счёт обращения к тексту).

Во-вторых, в фокусе рефлексии оказывается использование грамматического термина *междометие* для эвфемистической замены обценной лексики. Русский мат действительно часто функционально и по семантике близок к междометиям: [Алатар, nick] *А «ёксель-моксель» – это междометие, эмоциональный возглас (типа вау, унс, ё-мое, ёпсть, ёпрст, ёклмн. Для него это не ругательства, а междометия.* (Тофик Шахвердиев. Вокзальная Россия. Социализм с багровым лицом // «Известия», 2002.05.19). *И для большей доверительности после каждого трёх слов вставлял междометие бя.* (Владимир Тучков. Смерть при-

ходит по Интернету // «Новый Мир», 1998). В узусе активно варьируется выражение «*слов нет, одни междометия остались*».

Однако такое переосмысление обязательно должно быть обеспечено контекстом: *Прёт себе вперёд, полностью выражая себя последними междометиями*: (Михаил Мишин. Период полураспада (1986)) – определение *последние* «взято напрокат» у выражения *последние слова* – ругательства; *Кажется даже, над водой прошелестели какие-то слова или междометия... повторить которые, впрочем, я не решаюсь*. (Михаил Бару. Записки понаехавшего (2010)); *Подавляющее большинство выражало своё понимание творчества Сорокина междометиями да им подобными словами («грязь» – среди них самое подцензурное)*. [Ирина Новикова. Преодоление иллюзий? (о романе Александра Мелихова «Любовь к отеческим гробам») // «Октябрь», 2003).

Не остаётся незамеченной носителями языка и функция междометий как заполнителей вынужденных пауз – пауз хезитации – в любой сфере использования устной речи, в том числе и в официальной. Например: *Каждое слово она сопровождала длинным лондонским междометием «ммммм», русские слова ей давались небыстро, но красиво*. [Фёдор Павлов-Андреевич. Питомник // «Домовой», 2002.04.04). Но, заглянув в словарь, мы найдём нечто иное: «**ММ; М-М, М-М-М** *межд.* Употр. для обозначения звука, произносимого кем-л. в состоянии нерешительности, сомнения, недоумения и т.п. при заминке речи (курсив в толковании наш. – И.К., Д.С.)» [БТС]. Очевидно, что в этом случае авторы, не вдаваясь в сложности научных споров, являются ли эти заполнители пауз междометиями [Воропаева, 2014] или всего лишь вокализациями [Белицкая, 2013], исходят из того, что это не имеющий значения звук, вставляемый между словами. То есть фактически смысл слова *междометие* сводится к этимологическому: калька лат. *interiectiō*, дословно «*между метать*».

А.А. Белицкая, изучающая паузы хезитации, считает, что «в спонтанной речи с её неподготовленностью и творческим характером» эти паузы коммуникативно важны для говорящего, так как помогают ему «выбрать слова, спланировать высказывание, обозначить добавления, исправления и возвраты». Более того, «полное отсутствие пауз хезитации может характеризовать, скорее, искусственную речь, чем спонтанную» [Белицкая, 2013, с. 4]. Показательно что это наблюдение учёного точно отражает языковую рефлекссию: *Шишлин же умел произносить без передыху красивые длинные фразы, кое-где разрывая их тягучими междометиями – свидетельством того, что не вызубрены фразы, а только что народились*. (Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998).

Если в рассмотренных выше примерах этимологизацию термина можно только подозревать, то в следующих фрагментах она явно актуализована введением в контекст слов с корнем *меж-* (между, пере-межая): *Иногда замолчит, словно слушая того, на другом конце, или так себе, хмыкнет неопределённо между молчаниями или междометие*

вставит. (Андрей Битов. Сад (1960–1963)); *Его стихи из книги «Сестра моя жизнь» и из «Темы и вариации», которые он щедро читал, мыча в нос и перемежая густыми, низкоголосыми междометиями полуглухонемого, как бы поминутно теряющего дар речи, были настолько прекрасны, что по сравнению с ним все наши, даже громогласные до истерики пассажи арлекина и многозначительные строфы птицелова, казались детским лепетом.* (В.П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)).

Как предел этимологизация становится основой и необычного метафорического переосмысления междометий, которые плохо поддаются словесной расшифровке без потери смысла. Например: *Я же должен уехать в Киев ранее этих 8 дней, а потому и нахожусь в междометии – ехать или не ехать.* (Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову (1896)), где *междометие* – метафора нерешительности; *Ярче сверкает радуга на чёрном поле туч – и самые счастливейшие мгновения суть междометия горести.* (А.А. Бестужев-Марлинский. Амалат-бек (1831)) – метафора «просверка» счастливых мгновений.

Особый интерес представляет следующий пример: *Юг разворачивается страницами полей, на каждой – слова, буквы, многоточия домишек, поселков, междометия убогих станций, одиночные вздохи зажжённых окон, стальная линовка разъездов, узловых.* (Александр Иличевский. Перс (2009)). Фрагмент организован как последовательность метафор, причём в «левом» контексте слово *междометие* включено в парадигму метафоризированных лингвистических терминов, объединённых семей «знак» («слова, буквы, многоточия домишек, посёлков») и в этом ряду может быть интерпретировано как «знаки-метки отрезков пространства»; в «правом» контексте метафора «*одиночные вздохи зажжённых окон*» актуализирует заключённую в термине *междометие* сему «эмоции».

Таким образом, содержание термина *междометие* часто становится предметом метаязыковой рефлексии и объектом точных психолингвистических наблюдений, что говорит об осознании обычным носителем языка коммуникативной ценности междометия. В этих случаях происходит его функциональная детерминологизация. Смысловое варьирование термина *междометие*, замещающего в эвфемистической функции обценную лексику, может оцениваться как его частичная функционально-содержательная детерминологизация. Полная содержательная детерминологизация при метафоризации этого термина исключительно окказиональна, редка и связана, как правило, с актуализацией его внутренней формы.

Литература

Белицкая А. А. О роли хезитационных пауз в спонтанной речи // Филология и литературоведение. 2014. № 2. [Электронный ресурс]. – URL: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697> (дата обращения 03.04.2015).

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. – [БТС].

Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

Воропаева А. Г. Экспериментальное исследование спонтанного порождения речи носителями русского языка в условиях стрессовой ситуации // Филол. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2013. № 1 (19). С. 51–53. – URL: [scjournal.ru>articles/issn_1997-2911_2013_1_11.pdf](http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2013_1_11.pdf) (дата обращения 03.04.2015).

Гаспаров М. Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

Голев Н. Д. Современная ментально-языковая ситуация в аспекте взаимоотношений её лингвистического и лингводидактического аспектов // Доклад на пленарном заседании конференции «Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты». Барнаул, 2002. – URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z49.html> (дата обращения 12.01.2013).

Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического анализа. М.: Наука, 1977. 246 с.

Жидкова Ю. Б. Функционирование медицинской терминологии в художественных произведениях русских писателей XIX – начала XXI веков: на материале прозы А. П. Чехова, В. В. Вересаева, М. А. Булгакова, Ю. П. Германа, В. П. Аксенова, Л. Е. Улицкой: автореф. дис.... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.

Куликова И. С., Салмина Д. В. Лексема *глагол* за пределами лингвистического дискурса // Sciences of Europe (Praha, Czech Republic). 2016. Vol. 2, No 8 (8). С. 37–42.

Куликова И. С. Салмина Д. В. Термины *семантика* и *лексика* в Национальном корпусе русского языка // Sciences of Europe. Прага, 2017. № 12 (12). С. 68–74.

Лемов А. В. Система, структура и функционирование научного термина: На материале русской лингвистической терминологии: дис.... д-ра филол. наук. Саранск, 2000.

Морозова Л. А. Особенности функционирования специальной лексики и в неспециальной литературе (на материале медицинской терминологии) // Современные проблемы терминологии / отв. ред В. П. Даниленко. М.: Наука, 1986. С. 107–123.

Мотько М. Л. Метафора в метаязыке лингвистики: на материале английского языка: автореф. дис.... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2007. 24 с.

Немька А. А. Метаязык лингвистики: научное и художественное представление: дис.... д-ра филол. наук. Орел, 2015. 354 с. [Электронный ресурс] URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=% (дата обращения 25.09.2016).

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. Л.: Наука, 1965. 565 с.

Суперанская А. В., Подольская Н. В. Васильева Н. В. Общая терминология. Вопросы теории. / отв. ред. Т. Л. Канделаки: 6-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 248 с.

Шмелева О. Ю. Изменение сущностных свойств термина в процессе специализации и детерминологизации // Вестн. МГОУ. 2010. № 4. С. 47–53. URL: vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1388 (дата обращения 25.09.2016).

Шумарина Р. М. Метаязыковая рефлексия в художественном тексте: автореф. дис.... д-ра филол. наук. М., 2011а. 47 с.

Шумарина Р. М. Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография. М.: ФЛИНТА, 2011б. 328 с. – URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/> (дата обращения 25.09.2016).

Источник материала

Национальный корпус русского языка. Поиск в корпусе. – URL: ruscorpora.ru/search-main.html.

References

Belitskaya A.A. O roli khezitatsionnykh pauz v spontannoy rechi. *Filologiya i literaturovedeniye*. 2014, no. 2. [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697> (data obrashcheniya 03.04.2015). (In Russian).

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S.A. Kuznetsov. SPb., 1998. – [BTS]. (In Russian).

Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk: Grammaticheskoye ucheniye o slove*. M.; L.: Uchpedgiz, 1947. 784 p. (In Russian).

Voropayeva A. G. Eksperimental'noye issledovaniye spontannogo porozhdeniya rechi nositelyami russkogo yazyka v usloviyakh stressovoy situatsii. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2013, no. 1 (19), pp. 51-53. – URL: scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2013_1_11.pdf (data obrashcheniya 03.04.2015). (In Russian).

Gasparov M. B. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya*. M., Novoye literaturnoye obozreniye, 1996. 202 p. (In Russian).

Golev N. D. Sovremennaya mental'no-yazykovaya situatsiya v aspekte vzaimootnosheniy eyo lingvisticheskogo i lingvodidakticheskogo aspektov. *Doklad na plenarnom zasedanii konferentsii «Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech': issledovatel'skiy i obrazovatel'nyy aspekty»*. Barnaul, 2002. – URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z49.html> (data obrashcheniya 12.01.2013). (In Russian).

Danilenko V. P. *Russkaya terminologiya. Opyt lingvisticheskogo analiza*. M., Nauka, 1977. 246 p. (In Russian).

Zhidkova Yu. B. *Funktsionirovaniye meditsinskoy terminologii v khudozhestvennykh proizvedeniyakh russkikh pisatelei XIX – nachala XXI vekov: na materiale prozy A. P. Chekhova, V. V. Veresaeva, M. A. Bulgakova, Yu. P. Germana, V. P. Aksenova, L. E. Ulitskoy*: avtoref. dis.... kand. filol. nauk. Voronezh, 2008. (In Russian).

Kulikova I. S., Salmina D. V. Leksema *glagol* za predelami lingvisticheskogo diskursa. *Sciences of Europe (Praha, Czech Republic)*, 2016, vol 2, no. 8 (8), pp. 37-42. (In Russian).

Kulikova I. S. Salmina D. V. Terminy *semantika* i *leksika* v Natsional'nom korpuse russkogo yazyka. *Sciences of Europe*, Praga, 2017, no. 12 (12), pp. 68-74. (In Russian).

Lemov A. V. *Sistema, struktura i funktsionirovaniye nauchnogo termina: Na materiale russkoy lingvisticheskoy terminologii*: dis....d-ra filol. nauk. Saransk, 2000. (In Russian).

Morozova L. A. Osobennosti funktsionirovaniya spetsial'noy leksiki i v nespetsial'noy literature (na materiale meditsinskoy terminologii). *Sovremennye problemy terminology*. Otv. red V. P. Danilenko. M.: Nauka, 1986, pp. 107-123. (In Russian).

Mot'ko M. L. *Metafora v metazykye lingvistiki: na materiale angliiskogo yazyka*: avtoref. dis.... kand. filol. nauk. Gorno-Altaysk, 2007. 24 p. (In Russian).

Nemyka A. A. *Metazyk lingvistiki: nauchnoe i khudozhestvennoye predstavleniye*: dis.... d-ra filol. nauk. Orel, 2015. 354 p. [Elektronnyy resurs] – URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=% (data obrashcheniya 25.09.2016). (In Russian).

Sorokin Yu. S. *Razvitiye slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30-90-e gody XIX veka*. L.: Nauka, 1965. 565 p. (In Russian).

Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V. Vasil'eva N V. *Obshchaya terminologiya. Voprosy teorii*. Otv. red. T. L. Kandelaki: 6-e izd. M.: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2012. 248 p. (In Russian).

Shmeleva O. Yu. Izmeneniye sushchnostnykh svoystv termina v protsesse despetsializatsii i determinologizatsii. *Vestnik MGOU*, 2010, no. 4, pp. 47-53. – URL: vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1388 (data obrashcheniya 25.09.2016). (In Russian).

Shumarina R. M. *Metazykovaya refleksiya v khudozhestvennom tekste: avtoref. dis.... d-ra filol nauk. M.*, 2011a. 47 p. (In Russian).

Shumarina R. M. *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta (Metazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy): monografiya*. M.: FLINTA, 2011b. 328 p. – URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/> (data obrashcheniya 25.09.2016). (In Russian).

Irina S. Kulikova, Diana V. Salmina (St. Petersburg, Russian Federation)

Linguistic Terms behind the Special Text (on the Example of the Term Interjection)

The article suggests the authors' opinion on the problems of migration of linguistic terms and determinologization. The direction and varying degree of semantic transformation of the term outside a special sphere (according to the National Corpus of the Russian language) are considered by the example of the «school» term interjection. For all the grammatical specifics of the linguistic phenomenon designated by it, this term often becomes the object of meta-linguistic reflection, which indicates the communicative value of the terminated reality.

Key words: *migration of terms, determinology, contexts-metareflexions, «school» terms, interjection.*

Irina S. Kulikova – candidate of Philology, associate professor. Russian State Pedagogical University. Phone: 8 (921) 573-40-40; e-mail: krokus34@mail.ru

Diana V. Salmina – candidate of Philology, associate professor of Russian Language dpt. Faculty of philology. Russian State Pedagogical University. Phone:: 8 (921) 943-49-52; e-mail: salminad@rambler.ru